

БИОЛОГИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ — ДВА РАКУРСА ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ МЕДИЦИНСКОЙ ЭТИКИ

О. В. Козлова, Д. Н. Христенко ✉

Ярославский государственный медицинский университет, Ярославль, Россия

В настоящее время важнейшие проблемы медицинской этики, связанные с вопросами справедливого доступа к медицине и здравоохранению как основным благам человека, приобретают особое значение. В этом плане особенно актуальным представляется исследование биологических и социальных основ, позволяющих рассматривать человека не только как пользователя медицинских услуг, но и как смыслообразующего центра, испытывающего влияние ценностных норм и представлений, принятых в обществе. Цель исследования — рассмотреть два аспекта осмысления человека в медицинской этике: биологический и социальный статусы. Методологической основой статьи является диалектический метод, системный анализ, культурологический и феноменологический подходы, позволяющие на основе материалов дискуссии, предпринятой в современной научной литературе, прийти к осмыслению человека в системе медицинской этики. Отмечено, что рассмотрение человека в контексте проблем медицинской этики идет, прежде всего, по двум основным направлениям: первое — активизация роли человека в процессе выбора методов лечения и осмыслении степени риска, связанного с лечением и профилактикой его персоны как биологического существа; второе — погружение человека в процессе принятия решений в систему ценностей и традиций общества. Показано, что второй аспект связан с осмыслением гражданина как социального существа. Осмысление человека должно быть предпринято через изучение его нравственных, духовных, эмоциональных, физических и биологических основ бытия; при этом биологический и социальный подходы должны выступать не разрозненно, а в единстве и привести к целостному пониманию человека.

Ключевые слова: медицинская этика, человек, здравоохранение, медицина, здоровье, общество, гуманитарное знание, естественные науки, сознание

✉ **Для корреспонденции:** Дмитрий Николаевич Христенко

ул. Революционная, д. 5, Ярославская область, г. Ярославль, 150000, Россия; khristenko1903@mail.ru

Статья поступила: 07.10.2021 **Статья принята к печати:** 24.11.2021 **Опубликована онлайн:** 30.12.2021

DOI: 10.24075/medet.2021.029

BIOLOGICAL AND SOCIAL: TWO PROBLEMS OF HUMAN IDENTITY IN THE CONTEXT OF MEDICAL ETHICS

Kozlova OV, Khristenko DN ✉

Yaroslavl State Medical University, Yaroslavl, Russia

At present, the most important problems of medical ethics related to the issues of fair access to medicine and health care as the main human benefits are of particular importance. In this regard, the study of biological and social foundations seems to be especially relevant, allowing us to consider a person not only as a user of medical services, but also as a sense-making center, influenced by the value-driven norms and societal ideas. The aim of the study is to consider the following two aspects of conceptualizing a person in medical ethics: his/her biological and social status. Dialectical method, system analysis, cultural and phenomenological approaches constitute the article's methodological basis. Based on the discussion undertaken in modern scientific literature, these allow us to come to an understanding of a person in the system of medical ethics. It is noted that consideration of a person in the context of issues of medical ethics goes, first of all, in two main directions: first, the role of a person is revitalized in the process of choosing treatment methods and understanding the degree of risk associated with the treatment and prevention of his person as a biological being; the second is the immersion of a person, engaged in decision-making, into the system of values and traditions of society. It is shown that the second aspect is connected with the understanding of a citizen as a social being. Comprehension of a person should be undertaken through the study of his moral, spiritual, emotional, physical and biological foundations of being; at the same time, biological and social approaches should not act separately, but in unity, and lead to a holistic concept of man.

Key words: medical ethics, human, healthcare, medicine, health, society, humanitarian knowledge, natural sciences, consciousness

✉ **Correspondence should be addressed:** Dmitrii N. Khristenko

Revolutsionnaya, 5, Yaroslavl region, Yaroslavl, 150000, Russia; khristenko1983@mail.ru

Received: 07.10.2021 **Accepted:** 24.11.2021 **Published online:** 30.12.2021

DOI: 10.24075/medet.2021.029

В настоящее время важнейшие проблемы медицинской этики, связанные с вопросами справедливого доступа к медицине и здравоохранению как основным благам человека, приобретают особое значение. В этом плане особенно актуальным представляется исследование биологических и социальных основ, позволяющих рассматривать человека не только как пользователя медицинских услуг, но и как смыслообразующего центра, испытывающего влияние ценностных норм и представлений, принятых в обществе.

В современных условиях принятие решений гражданином в рамках медицинского обслуживания требует определенных оснований. Ключевым принципом

медицинской этики в этом контексте является принцип уважения прав и достоинства человека. У любого гражданина есть право на защиту здоровья, однако «личный, профессиональный и жизненный опыт, система ценностей, неverifiedированность множества параметров и влияния норм, принятых в обществе, позволяют квалифицировать распределение ресурсов здравоохранения на микроуровне не как акт решения, а как биоэтический выбор», — справедливо отмечает Е. В. Брызгалова [1, с. 43].

Рассмотрение человека в контексте проблем медицинской этики идет, прежде всего, по двум основным направлениям: первое — активизация роли человека в процессе выбора методов лечения и осмыслении степени

риска, связанного с лечением и профилактикой его персоны как биологического существа; второе — погружение человека в процессе принятия решений в систему ценностей и традиций общества. Несомненно, второй аспект связан с осмыслением гражданина как социального существа.

Осмысление человека должно быть предпринято, на наш взгляд, через изучение его нравственных, духовных, эмоциональных, физических и биологических основ бытия. И биологический и социальный подходы должны выступать в единстве и привести к целостному пониманию человека.

В этом плане примечательными представляются исследования представителя трансцендентализма Ральфа Эмерсона. Философ приходит к обоснованию значимости духовного развития человека. Однако он пишет о необходимости учитывать и биологические потребности индивида. Человечество, по его мнению, ничего не сделало для познания загадки своей судьбы. А те слабые потуги к осмыслению сущности человека поставили его персону на край безумия. Поэтому мыслитель не приемлет никаких догматических мерок человека — ни биологических, ни социальных. Он ставит своей задачей возвысить душу каждого человека до понимания нравственной красоты и каждому внушить значимость человеческого достоинства. Эмерсон призывает каждую личность к самопознанию, к выявлению в себе лучших качеств. Его книга «Нравственная философия» становится апофеозом единства духовного и телесного бытия человека при посредничестве Высшей Мудрости: «Душа человека должна служить прообразом нашим философическим планам, точно так, как потребности его тела принимаются в соображение при постройке ему жилого дома» [2, с. 7].

Предпринятые в XIX в. биологические обоснования эволюции человека вызвали многочисленные протесты со стороны философов. В этом плане В. С. Соловьев отмечал, что если мы будем прикрываться мыслью о человечестве как отвлеченном понятии, то мы начнем подменять истинные ценности мнимыми. По словам В. С. Соловьева, мы начнем видеть в «своем народе его зоологическую сторону, его зверские инстинкты, укреплять в нем звериный образ, кого же и что мы тут любим, кому и чему этим служим?» [3, т. 5, с. 393]. Фридрих Ницше, критикуя отношение к человеку с позиций приоритета биологической сущности, писал об отступниках следующее: «Все эти юные сердца уже состарились — и даже не состарились! Только уста, опошлили и успокоились... их первыми товарищами будут трупы и скоморохи» [4, с. 154–155].

В XX в. эволюционные идеи критиковались многими учеными. Против абсолютизации биологических оснований человека в рамках социологии выступил Э. Дюркгейм [5]. В. Ф. Малиновский [6] вообще исключал эволюционную концепцию из социальной антропологии. В этой связи важно подчеркнуть, что в первой половине XX в. продолжали оказывать большое влияние на осмысление сущности человека эмпирические методы познания, как в рамках естественных наук, так и в системе гуманитарного знания. С другой стороны, на медицину в целом и в частности на развитие медицинской этики оказывала значительное влияние функционалистская концепция интерпретирующая жизнь человека через его положение в семье, социальной группе, обществе. Так Лиленд Игер писал о том, что история не свидетельствует о том, что люди специально придумывали этические нормы. При этом он отмечал, что «некоторые правила семей и других групп, включая статуы, принудительно проводимые в жизнь правительствами, принимались намеренно» [7, с. 97].

Начиная с середины XX в. можно отметить четкое разделение понятий «биологическое» и «социальное» прежде всего по этическим соображениям. Преувеличение значения биологического компонента в осмыслении человека Т. Добжанский назвал ложными ключами к загадкам человека и подчеркивал опасность скатывания к расовым теориям, имея на вооружении только биологические основы определения человеческой сущности. Он подчеркивал пагубность однобокого взгляда на сущность человека: «некоторые биологи снова и снова ставят себя в смешное положение, навязывая такое решение социальных и политических проблем, которое основано на идее, что человек — это только животное» [8, с. 157].

К середине XX в. произошло условное разделение функций естественных и гуманитарных наук. При этом предметом естественных наук становилось в основном изучение биологических основ существования природы и человека, а гуманитарные науки рассматривали в основном духовные, социальные, культурологические и этические аспекты бытия человека. Так, например, австрийский физик Эрвин Шредингер переносит биологические закономерности на эмоционально-психологическую сферу жизни человека. Он отмечает тот факт, что многие элементы сознательной деятельности индивида (когда человек испытывает радость при достижении цели) не поддаются волевому контролю, и наоборот, некоторые физиологические процессы (например, дыхание в задымленном помещении) могут быть замедлены. Шредингер называет эти явления «недоразумениями мнемонически унаследованного характера» [9, с. 13]. Поэтому проявления человеческой духовности, выразившиеся в появлении веры и религии, он называет «нелепой опорой» за которую боязливо хватается «слабый, обманывающийся человеческий дух» [9, с. 205]. В этом плане представляется интересным тот факт, что Декарт достаточно часто исключал ощущения из категории ментального: «если мы видим какое-нибудь животное, направляющееся к нам..., если этот образ необыкновенный и очень страшный, т. е. если он живо напоминает то, что прежде вредило телу, то он вызывает в душе страсть страха, а вслед за ней может появиться страсть смелости...» [10, с. 575].

Здесь речь идет о представленной Фрейдом мысли, что многие ментальные акты имеют бессознательный характер и в этой связи могут существовать бессознательные желания и убеждения. Желание, по Фрейду, скрытым образом конструируется как состояние, которое продуцирует определенное поведение. Это привело Фрейда к убеждению о том, что сознательный доступ к определенному состоянию является несущественным для объяснения поведения. Следовательно, осознанность действий человека не конструирует бытие чего-то в качестве убеждения: «...у всех людей имеют место деструктивные, т. е. антиобщественные и антикультурные тенденции и у большего числа лиц они достаточно сильны, чтобы определить собою их поведение в человеческом обществе» [11, с. 20].

Представителями бихевиористского движения было разработано новое психологическое объяснение деятельности человека, в котором не оставалось места осознанным оценкам. Основной причиной этого представления было убеждение, что внутренние состояния не имеют отношения к объяснению поведения человека. Поэтому трактовка деятельности человека не зависит от феноменальных понятий. Рациональное объяснение концепций бихевиоризма предпринял в настоящее время Дэвид Чалмерс. Он отметил, что определение роли ментального в продуцировании поведения человека

требует сосредоточения на психологических свойствах. Если рассматривается опыт ментальных состояний сознания человека, необходимо базироваться на феноменальных понятиях: «Ассимиляция феноменального в психологическое без всякого основательного разъяснения означала бы тривиализацию проблемы сознательного опыта; а ассимиляция психологического в феноменальное означала бы резкое ограничение той роли, которую играет ментальное в объяснении поведения» [12, с. 35].

В этом плане фундаментальный характер имели работы Конрада Лоренца, который предприняв наблюдения за поведением животных, пытался обосновать понятие «инстинкт» и предпринял изучение наследственных моделей поведения животных. Проведенный Лоренцом сравнительный анализ поведения диких и домашних животных привел его к мысли о потере у домашних животных жизненной силы. Мыслитель также отметил негативное влияние городской инфраструктуры на содержание одомашненных животных. Экстраполируя свои наблюдения на развитие современной цивилизации, Лоренц пришел к пониманию неоднозначности критики моральных и эстетических основ человеческого общества. Он рассматривал политическую активность в обществе как нарушение агрессивных инстинктов. Лоренц приходит к выводу о том, что познавательная способность человека возникла в ходе эволюции и служит сохранению вида: «она должна изучаться как функция некоторой реальной системы, возникшей естественным путем и взаимодействующей со столь же реальным миром» [13, с. 15].

Идеи Конрада Лоренца не остались незамеченными в научных кругах. Его идеи развивал биолог, представляющий Гарвардский университет, — Эдвард Уильсон в своей работе «О человеческой природе». Являясь одним из создателей направления социобиологии, Уильсон определил цель новой науки — социобиологии — как «систематическое исследование биологической основы всех форм социального поведения у всех организмов, включая человека» [14, с. 5]. На основе теории эволюции, дающей подлинную интерпретацию поведения человека, он пытался трансформировать гуманитарные науки в сторону абсолютизации биологических основ бытия человека. Настаивая на том, что общественные отношения имеют биологические основания, Уильсон пропагандировал стратегии развития общества по аналогии со «стратегией человеческого животного на выживание» [14, с. 96]. Мыслитель считал, что даже наука не свободна от ограничений, которые накладываются эволюционной наследственностью человека. Уильсон ставил своей задачей определение и конкретизацию определенных рычагов, с помощью которых и в рамках теории естественного отбора можно будет не только объяснить, но и предсказать поведение человека. Например, запрет совершать инцест ученый объяснял тем, что первобытное общество проявляло генетическое стремление к увеличению способности к воспроизводству особей. Обращая пристальное внимание на четыре основополагающих, по его мнению, категории поведения: альтруизм, секс, агрессию и религию, Уильсон предпринял изучение каждой категории как эволюционной стратегии человека.

Эдвард Уильсон приходит к выводу о том, что основанием наук о человеке является знание генетических стратегий. Поэтому ученый обосновывает тот факт, что «существует предел, за которым биологическая эволюция начнет поворачивать культурную эволюцию вспять» [14, с. 80]. Его знаменитое высказывание: «Гены

держат культуру на поводке» [14, с. 167] демонстрирует стремление обосновать приоритетность биологических детерминант бытия человека над социальными основами. Важно обратить внимание и на попытки разрушения основ медицинской этики этого автора, так как, по его мнению, невозможно доказать, что этика имеет более важное значение в определении детерминант поведения, чем генетические основания. Поэтому страх человека перед болезнью или смертью сковывает активность индивида, будь он врачом либо пациентом. Следовательно, вывод Уильсона заключается в том, что необходимо этику и культуру рассматривать только в смысле необходимости этих сфер бытия общества для эволюции.

Многие идеи Конрада Лоренца в современных условиях развивает выдающийся британский ученый, лауреат Нобелевской премии Пол Нёрс. Он обосновывает концепцию естественного отбора и декларирует широкое применение этой концепции за пределами биологии. Мыслитель показывает значение естественного отбора в экономике и информатике, обращая особое внимание на то, что те алгоритмы, которые управляют техническими устройствами, копируют естественный отбор. В его работах возрождается намеченная философом Ламетри идея постепенного превращения человека в машину: «Доведется ли когда-нибудь встретить иные формы жизни?... я уверен, что они, как и мы, окажутся самоподдерживающимися физическими и химическими машинами, построенными на основе кодирующей информацию полимеров, которых создала эволюция путем естественного отбора» [15, с. 219–220].

Противоположной точки зрения придерживается американский историк Донна Харауэй. Исследуя отчеты о жизни приматов, исследовательница пришла к выводу о доминировании мужских особей в стае. Она опровергла выводы о том, что гендерные различия несут естественный характер. Это положение стало основой критики приоритета биологических основ в понимании бытия человека. Она показала различие терминов «гендер» и «пол». Харауэй показала, что сами биологические основы жизни человека производятся посредством социальных отношений и лишь отдаленно могут быть притянуты к природным основаниям, а тем более, не могут быть объяснены с помощью теории эволюции [16, с. 23]. Она критиковала призывы феминисток к определению основ для эмансипации женщин и отрицала все возможные — и биологические и социальные оправдания свободы выбора «сексуальной идентичности».

Примирительную позицию между защитниками биологизаторского подхода и сторонниками социологического обоснования поведения человека занял Виктор Тен. В своих работах он пытается наметить выход из тупика, в который попала наука, не сумевшая оторваться от теории рефлексов. Он предлагает основать новую науку — «психофизиологию», которая могла бы дать ответы на следующие вопросы.

1. Почему человек смог освободиться от власти рефлексов?
2. Какую трагедию ему пришлось пережить в переходном состоянии?

Виктор Тен на основе изучения работ физиологов приходит к выводу о том, что реакции животных всегда являются предзаданными их биологической природой и всегда однозначными по способу реализации. Если и могут допускаться вариации поведения животных, то в очень узких видовых рамках и посредством сформировавшихся условных рефлексов. А человек способен реагировать на ту или иную ситуацию совершенно непредсказуемым

образом: «Он может ругаться как пес, убежать как заяц; может вскарабкаться на дерево как белка; может кинуться в драку как медведь на двух конечностях; может повести себя как Сократ — сохранять спокойствие» [17, с. 259]. Таким образом, исследователь приходит к выводу об универсальности природы человека. Его антропологическая теория строится на основе признания полимотивационности бытия человека. В этом плане мы не сможем найти четких мотивов поведения человека. Они будут всегда не только опосредованы инстинктами, волевым началом, но и иметь некую безосновность — интуитивную свободу выбора. В. Тен отмечает, что «в философском звучании поведение человека является деятельностью, т. е. имеет инвертированный характер субъект-объектного отношения» [17, с. 259–260]. При этом в процессе деятельности, по его мнению, человек объективирует свою личность, а объект его деятельности «субъективируется». Поведение животного не является деятельностью, оно только рефлекторно. У животного нет арсенала осмысления ситуации, поэтому его реакции мгновенны и обусловлены безусловными или условными рефлексами.

Американский генетик Дэвид Райх проводил исследования современных человеческих популяций и поставил задачу выявления их разнообразия. Сравнения ДНК современного человека и ДНК наших далеких предков, исследователь пришел к выводу о том, что громадное разнообразие человеческих черт не может быть полностью объяснено только генетической обусловленностью. В этом плане поведенческие особенности, спортивные возможности, таланты в области искусства, умственные способности человека не зависят от популяционных показателей. Поэтому Дэвид Райх приходит к выводу о приоритетности социальных оснований бытия человека. Однако он предостерегает от преувеличения значимости биологических начал в жизни человека, которая присуща некоторым ученым, так как абсолютизация биологизаторских концепций всегда ведет к появлению расистских теорий. Именно расистские теории основываются на групповых стереотипах. Дэвид Райх выступает против любых «стереотипных ярлыков» применяемых к людям: «Фразы типа “раз ты черный, то наверняка музыкальный” или “ты еврей, значит, должен быть умным” однозначно вредны» [18, с. 351]. Исходя из этого, исследователь приходит к выводу о том, что при правильно подобранных социальных условиях жизни любой человек может развивать свои способности и добиться высоких успехов в любой сфере деятельности, даже если у него низкая генетическая предрасположенность к этой сфере. Дэвид Райх призывает относиться к каждому человеку как к носителю исключительных способностей, и общество должно предоставить шанс человеку реализовать свои способности. Именно уважение прав и возможностей каждого человека — основной лейтмотив его произведений.

И. Л. Андреев, специалист в области культурной и исторической антропологии, ставит задачу рассмотрения нейрофизиологической основы бытия сознания и функционального состояния мозга применительно к объяснению социального поведения человека. Он выявляет главное отличие человека от животных и видит в левом полушарии головного мозга человека не только предпосылки речи и абстрактного мышления, но и основания рефлексии. По мнению исследователя, способность человека соответствовать нормам морали, закону, установлениям культуры, приятным в обществе, заложена в асимметрии полушарий мозга. Автор последовательно

отстаивает приоритетное значение эволюционной теории в рамках осмысления формирования человека. Он обосновывает мысль о том, что «эволюционно-возрастные метаморфозы головного мозга в процессе болезни и старения организма имеют своей основной тенденцией его ситуативного или перманентного возвращения к статусу эндокринного органа в духе гегелевского закона отрицания отрицания...» [19, с. 26]. В этом плане нельзя согласиться с И. Л. Андреевым, который приходит к выводу о том, что массовая паника, конформистское поведение, мода и другие виды «психологических эпидемий» вызваны гормональными импульсами. Таким образом, согласно его концепции, интеллектуальный потенциал человечества станет мощным импульсом эволюции.

Большое значение для осмысления биологических и духовных основ бытия человека имеет работа выдающегося немецкого пластического хирурга Ариеля Нольтце «Операция “Человек”». Главная цель книги — показать читателю путь к обретению гармонии во всех сферах жизни. Автор показывает серьезность пренебрежения духовными аспектами понимания человека при оказании медицинской помощи. Его книга посвящена поиску подлинных оснований медицинской этики. По мнению Нольтце, декларативная медицина не может дать тех основ, которые необходимы для понимания жизни человека во всей ее полноте: «Удалить что-то большее может быть чересчур, а меньше оказаться позднее недостаточным — балансирование на грани, которое может происходить лишь в смирении и уважении перед жизнью» [20, с. 50].

Ариель Нольтце поднимает очень важную проблему медицинской этики — проблему ответственности врача за жизнь и здоровье пациента, с одной стороны, и проблему доверия со стороны пациента к врачу как персоне возвышенной до уровня Бога — другой. Исследователь размышляет над ситуациями, когда человек в процессе медицинского вмешательства полностью перестает контролировать свою жизнь, он передает функции контроля над своими физиологическими параметрами врачу. Возникает не простая проблема медицинской этики — проблема ответственности медицинского персонала за жизнь и здоровье человека. Нольтце предостерегает от скатывания к пониманию любых методов лечения как к «меновому торговле». Автор склонен абсолютизировать Патерналистский подход в отношении врача и пациента, так как именно сакральный характер передачи ответственности за свою жизнь от пациента к врачу есть подлинное основание медицинской этики. Надежды пациента на обретение пользы, получение определенных благ всегда имеют метафизическое основание. Однако широко обсуждаемая в современной медицинской этике, проблема рисков, связанных с лечением, может разрушить все метафизические основания, на которых основывается доверие пациента к врачу. Нольтце указывает на то, что именно вера в ожидаемую пользу дает возможность осуществления взаимного сотрудничества врача и пациента. Именно эта вера — сильная, безграничная — должна намного превзойти те риски, которые возникают в процессе лечения. В этом плане слова Ариеля Нольтце можно считать подлинным апофеозом медицинской этики: «Бог хочет и может упорядочить вашу жизнь. Хотите ли вы уверовать в Иисуса как своего Спасителя? Он может стать вашим личным советником. Доверите ли вы Ему совершить необходимую, восстанавливающую операцию на вашем сердце и разуме? Неужто вы все еще будете пренебрегать этим дорогостоящим шансом или все же с

открытым сердцем откликнитесь на приглашение к новой жизни?» [20, с. 59].

Таким образом, завершая обзор исследований по проблеме соотношения категорий «биологическое» и «социальное», важно отметить, что большинство исследователей склоняются к абсолютизации биологических оснований бытия человека. Аргументы в пользу понимания человека как «венца» эволюции живого мира, будь то опора на многочисленные генетические исследования или апелляция к изучению повадок животных не могут в современных условиях считаться убедительными. Однако такие положения, которые приводят полностью к нивелированию биологической сущности человека и переносу социальных факторов на объяснение физиологических основ жизни индивида

также не выдерживают критики. Поэтому пристальный интерес исследователей к этой проблеме не может не затронуть смыслообразующие принципы медицинской этики. Принимая как константу биологическую природу человека, важно не упускать из вида его уникальность, неповторимость каждой личности и, конечно же, духовную составляющую понятия «Человек». Ведь человек — это не «двуногое животное» (подобную позицию высмеивал Сократ) и не «сверхчеловек» Ницше, а очень хрупкое существо, нуждающееся в заботе и покровительстве. И здесь формируются основные принципы медицинской этики — «не навреди», «отношение к пациенту как к цели, а не как к средству». Исходя из этого высшая гуманистическая цель медицины — сохранение здоровья и жизни человека — становится основой этики благоговения перед жизнью.

Литература

1. Брызгалина Е. В. Биоэтика пандемии: абрис проблемного поля. *Человек* 2020; 31(4): 41–56.
2. Эмерсон Р. У. Нравственная философия. Опыты. Представители человечества. Образ жизни. М.: Амрита-Русь, 2021; 400 с.
3. Соловьев В. С. Собр. соч. 2-е изд. СПб.: Просвещение, 1911–1914; 5.
4. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Москва: Эксмо, 2019; 288 с.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. 1991; 208 с.
6. Малиновский В. Ф. Избранные общественно-политические сочинения. М., 1958; 305 с.
7. Игер Лиленд. Этика как общественная наука: моральная философия общественного сотрудничества. М.: Мысль; Социум, 2019; 479 с.
8. Dobzhansky T. The Myths of Genetic Predestination and of Tabula Rasa. *Perspectives in Biology and Medicine*. 1976;19(2): 156–170.
9. Шредингер Э. Анатомия разума: об интеллекте, религии и будущем. М.: Родина, 2020; 208 с.
10. Декарт Р. Страсти души. Декарт Р. Сочинения. Изд. 2-е. СПб.: Наука, 2015; 562–635 с.
11. Фрейд З. Будущее одной иллюзии. Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1991; 17–64 с.
12. Чарлмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2019; 512 с.
13. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М.: АСТ, 2019; 416 с.
14. Wilson EO. On Human Nature. Camb., MA: Harvard Univ Press, 1978; 5 с.
15. Нёрс П. Что такое жизнь? Понять биологию за пять простых шагов. М.: Колibri: Азбука-Атикус, 2021; 224 с.
16. Haraway DJ. *Simians, Cyborgs, and Women*. New York: Routledge, 1990; 312 с.
17. Тен В. В. Человек безумный. На грани сознания. М.: Эксмо, 2019; 384 с.
18. Райх Д. Кто мы и как сюда попали. Древняя ДНК и новая наука о человеческом прошлом. М.: АСТ: CORPUS, 2020; 448 с.
19. Андреев И. Л. Эволюционно-биологические предпосылки структуры мозга современного человека. *Человек*. 2014; 5: 15–27.
20. Нольте А. Операция «Человек». Скальпель и крест — два острия для нового начала. *Заковский: источник жизни*. 2020; 128 с.

Reference

1. Bryzgalina EV. Bioetika pandemii: abris problemnogo polja. *Chelovek*. 2020; 31(4): 41–56. Russian.
2. Jemerson Ral'f U. Nравstvennaja filosofija. Opyty. Predstaviteli chelovechestva. Obraz zhizni. M.: Amrita-Rus', 2021; 400 s. Russian.
3. Solov'ev VS. Sobr. soch. SPb.: Prosveshchenie, 1911–1914; 5. Russian.
4. Nietzsche F. Also sprach Zarathustra: Ein Buch für Alle und Keinen. Moskva: Eksmo, 2019; 288 s. Russian.
5. Dyurkgeym E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii. M., 1991; 208 s. Russian.
6. Malinovskiy VF. Izbrannye obshchestvenno-politicheskie sochineniya. M, 1958; 305 s. Russian.
7. Leand B. Yeager. Ethics as Social Science. The Moral Philosophy of Social Cooperation. Moskva: Mysl'; Sotsium, 2019; 479 s. Russian.
8. Dobzhansky T. The Myths of Genetic Predestination and of Tabula Rasa. *Perspectives in Biology and Medicine*. 1976; 19(2): 156–170.
9. Shredinger Ervin. Anatomiya razuma: ob intellekte, religii i budushchem. Moskva: Rodina, 2020; 208 s. Russian.
10. Descartes R. Strasti dushi. Descartes R. Sochineniya. Izd. 2-e. Sankt-Peterburg: Nauka, 2015; 562–635. Russian.
11. Freud S. Budushchee odnoy illyuzii. Freud S. Psikhoanaliz. Religiya. Kul'tura. M.: Renessans, 1991; 17–64 s. Russian.
12. Chalmers J David. The Conscious Mind in Search of a Fundamental Theory. M.: URSS, 2019; 512 s. Russian.
13. Lorenz K. Die Rückseite des Spiegels — Versuch einer Naturgeschichte menschlichen Erkennen, Moscow: ASTPubl, 2019; 416 s. Russian.
14. Wilson EO. On Human Nature. Camb., MA: Harvard Univ Press, 1978; 260 p.
15. Nurse P. What is Life? Understand Biology in Five Steps. M.: KoLibri: Azbuka-Atikus. 2021; 224 s. Russian.
16. Haraway DJ. *Simians, Cyborgs, and Women*. New York: Routledge, 1990; 312 s.
17. Ten VV. Chelovek bezumnyy. Na grani soznaniya. Moskva: Eksmo, 2019; 384 s. Russian.
18. Reich D. Who We Are and How We Got Here: Ancient DNA and the New Science of the Human Past. Moskva: AST: CORPUS, 2020; 448 s. Russian.
19. Andreev I L. Evolyutsionno-biologicheskie predposylki struktury mozga sovremennogo cheloveka. *Chelovek*. 2014; 5: 15–27. Russian.
20. Noltze A. Operation Mensch. Zaokskiy: Istochnik zhizni, 2020; 128 s. Russian.